

ИГРАЛ ЛЮДЕЙ МУЖЕСТВЕННЫХ

Смена - Санкт-Петербург - 1992 - 11 апр.

Сегодня Ефиму Захаровичу Копеляну исполнилось бы 80 лет

МНЕ повезло: Копелян жил по соседству. И частенько приглашал меня утром Ефим Захарович в свой красный «Москвич», чтоб подбросить до работы: ведь БДТ и Дом прессы, как известно, расположены тоже рядом, а репетиции у них, в театре, и планерки у нас, в редакции, начинались как раз в одно время, в одиннадцать... И вот эту дорогу от Бассейной до Фонтанки всякий раз старался я использовать, как говорится, «на все сто», чтобы еще больше выведать о любимом актере.

Как вообще он стал актером? Оказывается, «случайно».

— Детство и юность прошли в тихом городке Реница, где профессионального театра не было. Конечно, как все дети, я тоже лицедействовал: переодевался в папин пиджак и что-то там изображал, однако всерьез об этом никогда не задумывался. Зато очень любил рисовать (это у нас семейное, два брата стали художниками). Приехав в Питер, токарил на «Красном путиловце», потом поступил в Академию художеств, на архитектурный. Но вот как-то пришел в БДТ, чтобы подзаработать в массовке, — и остался здесь на всю жизнь. Иных театров не знаю...

В другой раз разговор у нас зашел о его ролях — и на сцене, и на экране: какой из них сам артист отдает предпочтение сегодня, вообще чего ищет в своих героях... Копелян задумался:

— Что касается кино, то тут о любимой роли говорить мне трудно. Потому что всякий раз, когда смотрю фильм со своим участием, считаю, что все это можно было сыграть значительно лучше. Но все же, когда попадаете роль, в которой — динамичный характер (чтобы он постоянно менялся, чтобы была

там неожиданность), играть интересно. Есть движение образа! Например, Савва Морозов — и в фильме о Баумане, и в спектакле. Как-то пришел в театр внук Саввы Тимофеевича и после спектакля признался мне, что дома рядом с портретом деда повесил портрет моего героя, переоснащенный с киноэкрана... В театре значительных ролей, конечно, больше, но репертуар постепенно меняется, спектакли уходят, а вместе с ними, — и дорогие сердцу герои. Вот ушел, например, Вершинин, который оказался для меня в «Трех сестрах» трудным орешком. Сыграть такого Вершинина, каким он был у Болдуана или Станиславского, я не мог — не те данные. И вообще мне казалось необходимым избавиться своего героя от помпезности, импозантности, утвердив в нем внутренний мир человека доброго, ищущего, интеллигентного по натуре. У Вершинина смутная тоска по иному миру, по иным социальным порядкам: «Через двести, триста лет жизни на земле станет невообразимо прекрасной...» А чего я вообще ищу в своих героях? Пожалуй, самоотверженную влюбленность в свою идею. Искал и ищу человека честного деяния, великого подвига. Еще хочется, чтобы мое искусство делало людей добрее. И этой цели, убежден, можно достигать только не только в положительных образах. Правда, есть роли, которые вызывают у зрителя чувство омерзения. Именно такую предложили мне в многосерийном фильме «Вечный зов». Сначала я воспротивился: «Ну что хорошего принесу этой роли людям?» А потом понял, что она нужна как антитеза. Кроме того, в каждой роли можно найти человека. Это не значит, что его нужно обязательно оправ-

дать. Может, наоборот, — обвинить. И обвинить с позиций искусства, то есть предупредить: «Остерегайтесь таких типов». Но все-таки, честно говоря, хочется играть людей хороших...

И ОН ВДОВОЛЬ играл самые разные роли, в том числе — и «людей хороших». Играл в своей, особой, копелянской манере — очень сдержанной, по принципу: «скорей недодать, чем переиграть», когда в любой ситуации, пусть даже полной трагической безысходности, — твердая мужественность; когда и юмор несколько не смягченный, а именно — мужской; когда скептическая усмешка вмещает в себя и радость; когда вместо жалобы — самоирония; когда в интонациях — жесткое самоограничение. Но вместе с тем и при ограничениях — огромная внутренняя свобода, а в скованности — мощная динамика... А вспомните его голос, который мы сразу, по первой же фразе, узнавали — и в радиопередаче, и за кадром: в нем не было ни крадучихости, ни бархатистости, наоборот — как бы легкая хрипотца, как-то резковатая сдержанность, но при этом — какая же сила! Слово бы впряжало про него, Копеляна, Георгий Александрович Товстоногов писал: «Актер может ничего не прозвонить на сцене, но зритель должен осязать, что ощущает каждую секунду этой «зоны молчания», чувствовать трепетную, активную мысль актера, понимать, о чем он в данный момент думает. Без этого умения напряженно мыслить на сцене искусство современным быть не может».

Да, «молчать» Копелян умел замечательно. Особенно пронзительно ощутил я это на «Пяти вечерах», самом люби-

мом моем спектакле (а я за тридцать пять лет, с той поры, как в БДТ пришел Товстоногов, видел здесь все), где тот, кого играл Копелян, — загадочный, очень неговорящий человек по фамилии Ильин, чем-то напоминающий героев Джека Лондона, заставлял зрительный зал буквально цепенеть, и мы напряженно вслушивались в его нелегкую думу, в его такую немудреную, но все равно разную сердцу песенку: «Миленький ты мой, возьми меня с собой...».

Как-то в машине напомнил Ефиму Захаровичу и о том, в общем-то, робком его пении, и о нынешней «Хануме», где ведет уже целую вокальную партию, — мол, может, вообще пора подумать о перемени амплуа. Копелян усмехнулся:

— Что вы? Это всякий раз для меня такой страх! В «Пяти вечерах» еще спасибо Зине Шарко: подхватывала мое «пение» и продолжала сама. А в «Хануме» помощи ждать не от кого. Жанр обязал: надо петь — и точка!

Однажды я попытался выяснить, приходилось ли моему именитому собеседнику за роль, что называется, драться.

— Никогда, — ответил Копелян. — Завидую Николаю Черкасову, который сумел убедить, что должен играть Полежаева. Сам я в этом отношении, увы, робкий. Самое яркое мое детское впечатление, связанное с книгой, — «Король Лир». Тогда, в двенадцать лет, на чтение пьесы решиться было трудно, но понравилось так, что после, не останавливаясь, принялся за всего Шекспира. И уже позже, в зрелом возрасте, думалось: сыграть такую роль, как Лир, Гамлет, Отелло, — это значит не только приобрести актерский багаж, но еще и

сказать что-то свое людям. Потому что известно: сколько в театре ни было Гамлетов — все они разные, каждый нес свою тему... Сожалею, что мало встречался и с Достоевским: только один-единственный раз в кино, когда сыграл Свидригайлова. Читаешь Достоевского — и постигаешь уже как бы режиссерскую экспозицию роли, настолько точно он прорисовывает характер. Недавно снова перечитывал «Братьев Карамазовых», и вот меня поразило: на протяжении огромной главы Достоевский подробно описывает Федора Карамазова, а заканчивает фразой: «Он был зол, sentimental и зол». Все, что рассказано о человеке до этого, сконцентрировано в одной-единственной фразе...

Зашел разговор о зрителе. Ефим Захарович тихо размышлял:

— Конечно, «свой» зритель у меня есть, но точно очертить его границы не могу. И во профессии, и по возрасту он очень неоднороден. (Почти как у Пушкина: «И академик, и герой, и мореплаватель, и плотник...»). Ну а дети признали меня в основном после трехсерийных приключений «Синьор Марио пишет комедию» у моего героя не было на руке обручального кольца. И однажды приходит письмо, где вместе с интересным отзывом о спектакле упрек: как же так — католик, не вдоваец, и без кольца? Пришлось срочно исправлять оплошность... Думаю, что у каждого актера, если только он представляет собой какую-то индивидуальность, есть свой зритель. И угадывается этот зритель по тому, как он тебя слушает. Как он слушает даже твои паузы. Аплодисментам

же значения не придаю. Аплодисменты часто объясняют просто: узнали тебя — вот и хлопают...

— Ну уж вас-то, Ефим Захарович, узнать вообще парастых — по усам. А ведь усы для внешнего перевоплощения, пожалуй, явная помеха. Что же вы их носите — из принципа?

Копелян рассмеялся:

— Сбрил их как-то, но Товстоногов не оценил: «По-моему, — говорит, — вы сразу потеряли свою индивидуальность». Естественно, что за свою индивидуальность я очень испугался и решил срочно обрести ее вновь...

ОСЕНЬЮ семьдесят третьего опубликовал я в «Смене»

для нас важнейшим является кино», ваш Иоселиани тех, кто творит «важнейшее из искусств», сравнивает с официальными антагами... Поведать об этом Копеляну.

— Идиоты! — буркнул артист. — И сама ленинская фраза идиотская: кино «важнейшее из искусств». Значит, ни музыка, ни театр, ни все прочее ему и в подметки не годятся? Ну ладно Владимир Ильич, не подумавши, такую глупость, а партия-популаи в Смольном уж рады стараться, любую глупость доведут до полнейшего абсурда...

В ПОСЛЕДНИЙ раз я видел его на генеральной репетиции с трудом отбитого у обкома спектакля «Три мешка сорной пшеницы», а после, за кулисами, мы говорили о том его герое, Тулупове. Назавтра состоялась премьера. Его последняя премьера. И вообще его последний выход на сцену. После премьеры очень заболело сердце...

Каждый день я иду мимо мемориальной доски: «В этом доме с 1962 по 1975 год жил народный артист СССР Ефим Захарович Копелян». Официозные «звания» ныне не в моде, но Копелян действительно был «народный» — народ его знал, любил, да и ополченца, в которое артист вступил в сорок первом, называлось народным тоже...

И бережно хранит о нем память Людмила Иосифовна Макарова — они прожили вместе тридцать четыре счастливых года. И не вняли в театре, у его портрета, цветы. И помнят здесь слова Товстоногова о том, что Копелян своим высочайшим авторитетом осуществлял в театре особую духовную миссию — был его совестью. И остается в сердцах тех, кому выпало его знать, красивый, сильный, мужественный и накий человек, который любил нас, моря («но только — чтоб подальше от курортных мест») и, по собственному призыванию, очень задиравал моржам дальнего плавания. На зря же многие мужчины старались подражать — и ему, и его герою, но удавалось это, увы, далеко не всем...